

ПОХОД 1185 г. ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НА ПОЛОВЦЕВ В КОНТЕКСТЕ
СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ И ДРЕВНЕРУССКОГО ПРЕДАНИЯ

Благъ видѣлъ еси,
понеже бдѣхъ азъ надъ словесы монини,
еже сотвориши ѿ.
(Иеремия 1: 12)

Для сознания древнерусских книжников было характерным толковать исторические события и поступки князей через призму Священного Писания, поскольку все происходит Божественным Промыслом, а княжеская власть воспринималась как Богом данная. Ико же рече Исая пророк: «Тако глаголетъ Господь: «*Кнѣзѣ азъ учиниша, священни бо сѣтъ, и азъ возю ѿ (их)*»», — замечает автор «Повести о житии Александра Невского». В его представлении и оценке *констинну бо безъ Божия повелѣния не бѣ княжѣние* Александра Ярославича!¹ Но если княжеская власть дана Богом, то, как само собой разумеющееся, и княжеское служение — это мирское служение Богу. Сводилось оно к защите Отечества (княжества), Православной веры и своего народа. Практически так поступали правоверные князья в домонгольский период, почему именно из их среды было наибольшее число святых Древней Руси.

И сам Александр Ярославич руководствовался этой аксиомой, принимая судьбоносное решение выступить против шведских рыцарей: *Боже хвалный, праведный, Боже великий, крѣпкий, Боже превѣчный, основавый небо и землю и положивы предѣлы ѿзыком, повелѣ жити не прѣступяще в чужю часть* (здесь и далее выделено мной. — А. У.)... *Суди, Господи, обвиняшим мѧ и воззврани борющимся со мною, прими оружье и щитъ, стани в помощь мнѣ*². Александр Ярославич выступил на защиту «своей части» — своего княжества, Богом данной ему власти.

Священное Писание, по которому должны жить православные князья, запрещало завоевательные походы. Князь обязан защищать пределы своей земли, но не завоевывать чужие. Образец такого сосуществования был положен сыновьями праведного Ноя после потопа. И об этом можно было узнать из Повести временных лет, в которую был помещен рассказ о них из Священного Писания: *По потоупѣ трѣ сынове Ноеви раздѣлиша землю... Симъ же и Хамъ и Яфетъ, раздѣливше землю, жребыи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, и живахуоу каждо въ своей части*³.

Для истинного православного человека, князя или воина, это была аксиома. Бог дает князьям власть (т. е. землю, княжество), и потому никто из людей не должен покушаться на нее: *Богъ даетъ власть, ему же хощеть; поставляетъ бо цесарѧ и кнѣзѧ вышнии, ему же хощеть, дастъ. Яще бо кѧ земля управитѣя предъ Богомъ, поставлетъ ей цесарѧ или кнѣзѧ праведна, любяща судъ и правду, и властель устрелеть, и судью, правящаго судъ. Яще бо кнѣзи правдивни бывають в земли, то многа отдадутѣя согрешѣньѧ земли; аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводитѣя Богъ на землю, понеже то глава есть земли*⁴.

Отправляясь в поход против половцев в апреле—мае 1185 г., Новгород-Северский князь Игорь Святославич преследует совершенно иные цели: *Хощу бо, — рече, — копие приложити конецъ поля Половецкаго... а либо испити шеломомъ Дону*⁵. Или же, как говорят бояре великому князю киевскому Святославу: *Се бо два сокола (Игорь и Всеволод Святославичи. — А. У.) слѣтѣста съ огня стола злати понскати града Тьмѣтороканѧ, а либо испити шеломомъ Дону* (С. 19).

¹ ПЛДР: XIII век. М., 1981. С. 426.

² Там же. С. 428.

³ Повесть временных лет. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 1996. (Литературные памятники). С. 7–8.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; Текст подгот. к печати Д. С. Лихачев. М.; Л., 1950. (Литературные памятники). С. 10–11. В дальнейшем страницы указываются в тексте в скобках.

И в том, и в другом случаях речь идет об одном и том же: Игорь Святославич предпринял поход не для обороны своего княжества, как прежние князья, а далеко за его пределы — в степь половецкую! Вот почему с особым смыслом звучит в «Слове о полку Игореве» рефрен: *О Руская земле! Оуже за шеломянемъ еси!* (С. 13).

Этот неблагоприятный поход Игоря Святославича вылился из княжеских междоусобиц, на которые указывает «Слово»: *...Рекосте бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начаши князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамоу ковати* (С. 17).

Другую причину, побудившую князей выступить в этот поход, указывает киевский князь Святослав: *Влю храбралъ сердца* (этого у них не отнимешь. — А. У.) *въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буети закалена* (С. 20). Сам автор неоднократно величает Игоря как «буего Святъславича», а Всеволода называет «буѣ туром».

Прежде, воспринимая поход Игоря как защиту Русской земли от Половецкого поля и обращая внимание на храбрость русских воинов, в толковании слова *буеть* медиевисты ограничивались понятиями «отвага», «горячность», «запальчивость». Прежде всего, конечно, «отвага». Но в Древней Руси это слово с таким положительным оттенком употреблялось крайне редко. Гораздо чаще — в негативном значении «заносчивость, дерзость, необузданность». Вспомним, для примера, слова Владимира Мономаха из его знаменитого «Поучения детям», помещенного в Лаврентьевскую летопись под 1096 г.: *О, влѣце бѣце. ѿ или ѿ оубогаго срѣца моего гордость и буеть, да не възношиса съетомъ мира сего*⁶.

Обращает на себя внимание, что «буеть» в этой молитвенной просьбе древнерусского князя следует за «гордостью» — гордынею, первейшим и наисильнейшим грехом.

Именно гордыня и стремление к славе и повели Игоря Святославича в этот завоевательный поход: *Въ рекосте: «Нужамъ сѣ сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!»* (С. 21).

По гордыне своей захотели молодые князья похитить «преднюю славу» русских князей, двумя годами ранее разбивших половцев, и «испити шеломомъ Дону», как когда-то Владимир Мономах.

Предваряя рассказ об этом походе, один из составителей Ипатьевской летописи заметил под 1184 г.: *Всемилоствивый Господь Богъ гордымъ противитъ сѣ и свѣты* (планы, замыслы. — А. У.) *нухъ разруши*. Его убеждение основывается на словах апостола Петра: *Всѣмъ гордымъ противитъ сѣ, а смиреннымъ же даеть вѣгъ* (I Посл. 5: 5).

Итак, причиной похода была *гордыня*, а наказание Божие за нее — плен! Игорь Святославич стремился снискать себе земную славу, а в наказание, т. е. в наставление, Божиим Промыслом оказался в плену.

Господь предупреждал Игоря затмением солнца, но князь, по гордыне своей, пренебрег и знамением...

Гордыня — затмение души. А в природе — затмение солнца. Автор тонко уловил эту символическую параллель, развивает ее в своем творении и строит великолепный художественный образ, развернутый на все повествование: весь поход Игоря после перехода через пограничную реку Донец, когда, собственно, и произошло затмение солнца, происходит... во тьме!⁷

Поражение православного князя и плен воспринимаются рассказчиком как наказание Господне за грехи его (а не помощь «поганым» — половцам!). Грех этот необходимо осознать, чтобы искупить его. И к Игорю приходит духовное прозрение вместе с поражением: *И тако во день свѣтлого воскресения, наведе на нѣ Господь гнѣвъ свой: въ радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто*

⁶ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 234.

⁷ Это не «второе затмение» и не ошибка автора, как полагал академик Н. К. Гудзий, а художественный образ! Об этом образе ночи мне уже приходилось неоднократно писать, см.: *Ужанков А. Н.* В свете затмения (Христианская основа «Слова о полку Игореве») // *Образ Спасителя в мировой культуре*. М., 2000. С. 32–49; *Ужанков А. Н.* Эволюция пейзажа в русской литературе XI — первой трети XVIII в. // *Древнерусская литература: Изображение природы и человека. Монографическое исследование*. М., 1995. С. 19–88.

желю, на рѣцѣхъ Кагалы. Рече во дѣи Игорьъ: «Поманюхъ азъ грѣхы свои предъ Господомъ Богомъ моимъ, яко много оубиство, кровопролитие створихъ въ землѣхъ крестыаньстѣи, яко же во азъ не пощадихъ хрестыанъ, но въздохъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля. тогда во не мало зло подыаша безвиннии хрестыани, ѿлучаеми отечъ ѿ роженни своихъ, братъ ѿ брата, другъ ѿ друга своего, и жены ѿ подружии своихъ, и дщери ѿ матери своихъ, и подруга ѿ подругы своей, и все сматено плѣномъ и скорбью тогда бывшую, живни мертвыми завидать, и мертви радовахуся, аки мученици свѣтѣи огнемъ ѿ жизни селъ искоушение приемши...

И та вса сътвори въ азъ — рече Игорьъ — не достоинно ми вѣшетъ жити. И се нынѣ вижду ѿмѣстѣе ѿ Господа Бога моего... Се възда ми Господь по беззаконію моему, и по злобѣ моеи на мѧ, и снисхоша днесь грѣси мои на главоу мою. Истиненъ Господь и прави соуди его зѣло. Язъ же оубо не имамъ со живыми части...

Но Владыко Господи Боже мой, не ѿригни мене до конца, но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ якоу Твоимъ»⁸.

В Древней Руси спасение Игоря из плена не могло рассматриваться не как результат помощи Бога. Вот слова Господа из Священного Писания: И помолитесь ко мнѣ, и послушаю васъ, и възыщите мене, и шедъ вы на мѧ: и егда възыщите мене всѣмъ сердцемъ вашимъ... и възвращу оубиство ваша и соберу васъ ѿ всѣхъ странъ и ѿ всѣхъ градовъ, въ нѧже изгнахъ васъ, глѣтъ гдѣ: и възвратити се повелю вамъ на мѣсто, ѿкуда превести васъ повелѣхъ (Иер. 29: 11–14).

В плен князь Игорь попадает Промыслом Божиим, также Промыслом Божиим избавляется он от плена.

Игорь шел за славой, но обрел бесславие — плен. Однако нижней, пиковой точкой бесславия был побег, потому-то он долго на него не решался, ожидая за себя выкуп («честь»). А поэтому «чашу бесчестия и бесславия» князь должен был испить до дна и вернуться домой «неславным путем» — бегством из плена. Т. е. проявить смирение. В этом смысл произведения.

Это — не случайное прозрение Игоря, это первое осмысление произошедшего, с него начинается духовное возрождение Игоря Святославича. Князь осмысленно становится на путь возвращения к Богу, Отцу Небесному.

Из летописей известно, что он, находясь в половецком плену, призвал из Руси священника. Для него, хотя и оступившегося (кто без греха?), но все же православного князя, было совершенно очевидным, что *без покаяния невозможен обратный путь домой*. Засвидетельствовать это покаяние пред Богом мог только православный священник.

Поход Игоря Святославича начинается на Светлой Пасхальной неделе. Это — святотатство! Не помогло и упование его на своего небесного покровителя — св. Георгия Победоносца (крестильное имя Игоря — Георгий), в день памяти которого, 23 апреля 1185 г., т. е. на свои именины (!), он выступил в поход. Поскольку же поход был не Богоугоден, а славы ради, потому бесславно и завершился.

Второе отмеченное древнерусскими произведениями осознание случившегося Игорем и его покаяние в содеянном происходят уже в плену. Летопись замечает: Игорь же Святославичъ тотъ годъ вѣшетъ в Половцехъ, и глаголаше: «Язъ по достоинанью моему восприяхъ побѣду (поражение. — А. У.) ѿ повеления твоего владыко Господи, а не поганьская дерзость шеломи силоу рабъ твоихъ. Не жаль ми есть за свою злобоу прияти ноужьная вса, иуже емь прияхъ азъ»⁹.

Третье обращение к Богу происходит уже непосредственно перед бегством из плена: Се же вставъ оужасенъ и трепетенъ и поклонися шедъ Божию и кресту честному, глагола: «Господи сердцевидче! Яце спасеши мѧ владыко ты недостоннаго!» И възма на се крестъ, икону и подонма стѣноу и лѣзе вонъ...¹⁰

Обращаю особое внимание на то, что, решаясь на побег («неславный путь»), Игорь берет с собой крест (или осеняет себя крестом) и икону, т. е. возлагает надежду на помощь Божию! Тогда

⁸ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 642–644 (титла раскрыты, знаки препинания проставлены мной. — А. У.).

⁹ Там же. Стб. 649.

¹⁰ Там же. Стб. 651.

становится понятным, почему автор «Слова» указывает, что **Игоревн князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на земли Рускѣи**: он прощен Богом, после раскаяния в делах своих. Более того, смирение князя приводит его и «къ огню злату столу», т. е. на Черниговское княжение в 1198 г.!

Случайно ли автор «Слова» поместил описание затмения солнца в самое начало своего творения, создав художественный образ ночи, покрывшей весь поход Игоря Святославича? Только ли авторский замысел отразился в этом удивительном образе «дневной тьмы», поразившей природу, или же здесь заложен ключ к пониманию религиозной *идеи* произведения, которая для древнерусского книжника всегда была наиважнейшей.

Солнечное затмение произошло 1 мая 1185 г. в «первом часу ночи», что соответствует нынешним 17 часам (затмение было в 16 ч. 48 мин. по астрономическому времени). Это время начала вечерней службы в храме, точнее — «утрени», поскольку ею начинались новые сутки — отсюда и «первый час». Получается, что в то время, когда в храме начиналась служба, Игорь Святославич форсирует *пограничную* реку Донец и отправляется в нечестивый поход за пределы Русской земли. **О Рускаа земле, уже за шеломанем еси!** — сокрушенно восклицает автор «Слова».

Здесь следует напомнить, что русские князья являлись охранителями «русской идеи», сформулированной еще Иларионом Киевским в знаменитом «Слове о Законе и Благодати»: русский народ избран Богом для сохранения Благодати (Православия) до Страшного Суда, как в свое время иудейский народ был избран для хранения Закона (10 заповедей) до Рождества Христова. Именно поэтому русские князья и должны были защищать *православную Русскую* землю, *православную* веру и *православный* народ!

А что делает Игорь Святославич? Он, по гордыне своей, не исполняет заповеди Божии (т. е. забывает Бога), губит православный народ и открывает «врата на Землю русскую» ее врагам. Т. е. игнорирует Богом данное ему княжеское предназначение. Воистину, помрачение ума!

Судьба князя напоминает судьбу Израиля в 586 г. до н. э., т. е. за 1600 лет до похода (в Лаврентьевской летописи он датируется 1186 г. по мартовскому, т. е. библейскому, стилю) и плена Игоря, описанную в Книге пророка Иеремии. Вот здесь и следует напомнить, что 1 мая — это день памяти пророка Иеремии, второго из так называемых *больших пророков*.

В христианском мировосприятии не бывает случайных совпадений, но во всем кроется глубокий духовно-религиозный смысл. Его и попытался выявить гениальный автор: через экзегезы (скрытые цитаты) из Книги пророка Иеремии, входящей в Библию, он прослеживает реальную и духовную связь разновременных событий¹¹.

Совершенно прав Р. Пиккио, заметивший в одной из последних своих статей по «Слову о полку Игореве»: «Обратившись к библейскому контексту (который, будучи боговдохновенным, несет абсолютную истину), мы можем проникнуть в “духовный”, т. е. высший, смысл текста, в котором без этого “восхождения” нам открылся бы только “исторический”, т. е. буквальный и “низший”, смысл»¹².

В каждом новом историческом действии видится образ первообраза — библейского события. Важно было увидеть и установить эту эпифаническую и духовную связь реальностей. Прежде всего, они присутствуют в Божественной литургии, когда здесь (в храме) и сейчас (служба ведется только в настоящем времени) происходит сопереживание событий, прежде бывших в земной жизни Спасителя и Богородицы и ныне во время службы повторяющихся.

¹¹ О влиянии Библии на «Слово о полку Игореве» см.: *Барац Г. М.* О библейском элементе в «Слове о полку Игореве». Киев, 1912; *Перетц В. Н.* К изучению «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. Л., 1925. Т. 29. С. 55–57; *Перетц В. Н.* «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги // Сб. статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 10–14; *Перетц В. Н.* «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1930. Л., 1930. Т. 3. Кн. 1. С. 289–309; *Кусков В. В.* Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 69–72; и др. Однако сопоставления Книги пророка Иеремии и «Слова о полку Игореве» прежде никто не делал.

¹² *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРА. СПб., 1997. Т. L. С. 435.

На этом же уровне эпифанического взаимодействия расценивались и исторические события. Между ними также можно провести ретроспективную историческую аналогию, о которой применительно к «Слову о полку Игореве» писал и В. В. Кусков¹³.

Важнее, однако, оценка действий Богом поставленного князя через призму Священного Писания, которое есть единственный критерий оценок поступков человека.

Горько плачет пророк Иеремия о судьбе Израиля, отпавшего от Бога Истинного и поклонившегося языческим идолам, устремившегося к земным ценностям. *Сїа глаголетъ Господь: станите на путехъ и видите, и вопросите ѡ стезяхъ господнихъ вѣчныхъ, и видите, кїи есть путь благъ, и ходите по нему, и обратите внищенїе душамъ вашимъ. И рекоша: не поидемъ (Иер. 6: 16)*¹⁴. Тогда возвещает пророк волю Божию и предупреждает о пленении Израиля Вавилоном. Но не внемлет возгордившаяся Иудея словам пророка, и сбывается прореченное о ней.

Забывает и Игорь Святославич Бога Истинного, т. е. становится, по сути дела, как и его предки, язычником, а потому и выступает праправнуком языческого Дажьдбога, ибо дед Игоря, Олег Святославич (Гориславич), дважды назван в «Слове» «Дажьдбожьим внуком», идет за земными ценностями — славой, не внемлет предупреждению — солнечному затмению и в результате попадает в половецкий плен. Это будто бы о нем пишет пророк Иеремия: *Сїа глаголетъ Господь: по путемъ языковъ не обучитесь и ѿ знаменїи небесныхъ не страшитесь, яко ихъ болгьт языци (10: 2)*.

В ветхозаветных и новозаветных событиях древнерусский книжник — автор «Слова» — увидел эпифаническую связь и провел параллель в развитии одновременных событий, а потому и попытался через скрытые экзегезы из Книги пророка Иеремии прояснить их духовный смысл.

Еда равъ есть Израиль, или домочадець есть; вскую бысть въ плѣненїе? — задается вопросом пророк Иеремия и констатирует: На него рыкаша львови и издаша гласъ свой, иже поставиша землю его пустыню, и гроды егво сожжени суть, еже не шьитати въ нихъ... (2: 14–15).

Да и потомки Олега Святославича — «Ольгово хороброе гнездо» — хоть и далеко залетело в степь половецкую, но не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тевѣ, чръный воронъ, поганый половчине! (С. 14). А в результате неблагоприятного похода Игоря Святославича Русская земля превращается в пустынное место: *Тогда во по Руской земли рѣтко рачевѣ кикахуть, нъ часто врани галхуть, трупна себе дѣлаче... (С. 16). Тоска разлила по Руской земли. печаль жирна тече средь земли Рускыи... (С. 18). Оупыши во градомъ забрала, а веселне пониче (С. 19). Я погани съ всѣхъ странъ прихощаху съ повѣдами на землю Рускую (С. 17). Я погани сами, повѣдами нарицующе на Рускую землю, емлаху дань по вѣлѣ отъ двора (С. 18)*.

В чем причина разорения Израиля египетским царем Навуходоносором, пленения и переселения иудейского царя Седекия в Вавилон в 586 г. до н. э.?

Не сїа ли сотвори тевѣ то, яко оставилъ еси мене. глаголетъ господь Богъ твой, — объясняет Израилю пророк Иеремия. — И нынѣ что тевѣ и пути егупетскому, еже пити воду гевоискую (из Нила. — А. У.); и что тебе и пути ассирийскому, да пїеши воду рѣчную? (2: 17–18).

Нил — такой же символ Египта, как Великий Дон — символ Половецкой степи. К нему направляет свои полки Игорь Святославич, поскольку «спаль князю умъ» и не разглядел он Божественное знамение, т. е. «очи духовные» затмило тщеславное желание князя «искусити Дону великаго». *Хошю во, — рече, — копне приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, русици... а любо испити шеломомъ Дону (С. 11)*.

Самовластие человека проявляется в том, что он сам, не оглядываясь на Бога, направляет свои стопы и в результате творит грех.

Вѣмъ, Господи, какъ нѣсть человекю путь егво, иже мужъ пондетъ и исправитъ шествїе свое, — констатирует Иеремия (10: 23). А автор «Слова» поступками князя Игоря как бы «опровергает»

¹³ См.: Кусков В. В. Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве». С. 69–72.

¹⁴ Выдержки из Книги пророка Иеремии входят в богослужебные паремийные чтения, следовательно, она была известна на Руси. Правда, паремийные чтения не совпадают со «Словом».

слова пророка, на самом же деле, приводит примеры самовластия Игоря: ...**А владѣмъ, братиѣ, на свои брѣзвыи комони, да позримъ синего Дону (С. 10). Игорь къ Дону вон ведеть! (С. 12). Из рекосте: «Иужанимъса сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!» (С. 21).**

От самовластия до гордыни всего один шаг: **Накажетъ та ѿступленіе твое, и слова твоа вблнчитъ та: и оувѣждь и виждь, какъ зло и горько ти есть, еже вставити ма, глаголетъ Господь Богъ твой: и не благоволихъ в тебѣ... — предупреждает Иеремия (2: 19).** Но не внемлет пророку Израиль, не задумывается о своем поведении и Игорь.

А вот великий киевский князь Святослав «мутен сон» видел в своем тереме, предвещавший плач горький по воинам, и, когда бояре сообщили ему весть о пленении Игоря и Всеволода Святославичей, обронил «злато слово», в котором дал схожую с Иеремией оценку поступков русских князей: **О мол сыновчъ, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цѣлнати, а себѣ славы искати. Из нечестно одолѣете, нечестно во кровь поганую пролиаєте (С. 20).**

Раньше исследователи не обращали внимания на слова великого князя, что «кровь поганую» можно *нечестно* пролить! Одно дело — защищать свой народ, свои земли, свое Отечество от набегов врагов — тогда это будет *честная* битва; другое дело — устраивать набег на поселения недругов, уподобляясь им, воюя с их детьми и женами¹⁵...

А ведь как все вначале благополучно складывалось! Столько уверенности было в своих силах, столько энергии, столько прыти, когда выступали русские князья в поход!

Вседлайте кони и свѣдайте, владницы, и станите во шлемѣхъ вашихъ, оставите копѣя, облецытеся въ броня ваша — очень похоже на «Слово», но это из Книги пророка Иеремии (46: 4). Впрочем, призыв Всеволода к своему брату Игорю в «Слове» очень близок библейскому: **Свѣдай, брате, свои брѣзвыи комони, а мои ти готови, оувѣдани ѿ Курьска наперед. Я мои ти курлани свѣдоми къметн: подъ трубами повити, подъ шелома възлѣлѣани, конецъ копѣя възкрѣмени... лѣци ѿ нихъ напряжени, тѣли отворени, сабли извогтрени (С. 11–12).**

Русские войска переправляются во враждебную степь. Отысканы половцы. Динамика повествования нарастает: **Вполчнтелъ на вавуишнъ вси вокрестнѣи налѣцающѣи лѣкъ, стрѣлѣйте нань, не щадите стрѣлъ вашихъ... — это пророк Иеремия (50: 14).** Не отстает и «Слово»: **Стрѣлѣай, господине, Кончака, поганого кощелъ, за землю Рускую, за раны Игоревы... (С. 22–23).**

Еще когда Русская земля не скрылась за холмами, можно было все изменить — одуматься, возвратиться, но русские князья побоялись *человеческого бесславия*. И совершили тяжкий грех, а потому *наказание* им теперь будет уже *от Бога*: **И ѿмщю имъ четырьми шкразы, рече Господь: мечь на закланіе, и пси на растерзаніе, и птицы небесе и звѣрїе земли на пожрениа и расхищеніе (Иер. 15: 2–3).** Природа — творение Бога — тонко чувствует волю своего Создателя: **Оуже во вѣды его пасетъ птицъ по дубнѣ. влѣци грозю възторожатъ по дѣр҃гамъ. орн клектомъ на кости звѣри зовутъ. лисци брешутъ на члѣненыи щиты (С. 13).**

Однако князь Игорь не внемлет посылаемым ему предупреждениям: ни затмению, ни предостерегающему поведению животных, и ведет свои полки в глубь половецкого поля. Тогда вновь проявляется Божественная воля: Господь посылает против него более сильных противников, чтобы наказать его, но не истребить! Для Господа важно осознание грешником своего проступка и раскаяние в нем — это путь к спасению души.

Здесь опять появляются аналогии между Книгой пророка Иеремии и «Словом». **Вїа глаголетъ Господь: се, людїе градутъ ѿ сѣвера, и языкъ великъ востанетъ ѿ конца земли, лѣкъ и щитъ возмутъ: мучителенъ есть и не оумилосердитса: гласъ егѡ, яко море шумѣеще: на конехъ и колесницахъ вполчнтелъ акн огнь на брань на та. Блышахомъ слѣхъ егѡ, славаѣша рѣцѣ наши, скорьбь шельтъ насъ... (Иер. 6: 22–24).**

¹⁵ О том свидетельствуют результаты первой победы русских в пятницу: ...Почопташа поганыхъ пляки половецкыа, и расщлѣсь стрѣлами по поди, помчаша красныа дѣвки половецкыа, а съ ними злато, и паволоки, и драгыа окаланты (С. 13).

На Игоря Святославича со всех сторон идут половцы, и негде ему укрыться в чужой степи, окружили его дружинников и зажали в кольцо: ...Половци иду́ть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плькы отступниша... («Слово». С. 14). Нечто подобное уже было с Израилем: ...Понеже такъ глаголетъ Господь: се, азъ ѿвергъ ѿбитателн земли сея въ скорби и смущеніи ихъ да ѿвернется пазва твоа... Се градеть и труса велии ѿ земли сѣверныа, да положитъ грады... въ запустѣніе (Иер. 10: 18–19). Такое ощущение, что русские князья в точности переживают библейские события.

Не о духовной ли близорукости предупреждал Израиль пророк Иеремия, которую позднее продемонстрирует и древнерусский князь? ...Рцыте азъ языкъ: се, прїидоша: возвѣстите... полцы иду́тъ ѿ земли дальниа... на грады... гласъ свои, аки стражи селнии быша над ними окрестъ: такъ пренебрегъ ма еси, глаголетъ Господь. Пути твоа и начинаниа твоа сотвориша тебе сіа: сіе лукавство твое, понеже горько, яко прикоснуся сердцу твоему. Чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ, и чувства сердца моего, смущается душа моя, терзается сердце мое: не оумолчу, яко гласъ трубы оумлышала душа моя, вопль рати и бѣды: сотрение (на сотрение) призывается, понеже вопустѣла вса земля, внезапно вопустѣ жилище мое... Доколѣ зрѣти имамъ бѣжанихъ, слышашъ гласы трубныа; понеже вождеве люди моихъ мене не познаша: сынове вѣи суть и безумни, мудри суть, еже творити злаа, благо же творити не познаша. Воззрѣхъ на землю, и се, ничтоже, и на небо, и не въ свѣта егво (4: 16–23).

Что ли шумить, что ли звенить — далеке рано предъ зорями? — восклицает автор «Слова». — Игорь плькы заворочаетъ: жалъ ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другий. третьаго дни къ полудниу падоша стазн Игоревы... Темно бо въ въ 3 день: два солнца помѣркости... тьмою ся поволокоста... (С. 16).

Сообразно Божией воли каждого из участников ожидает свой жребий: ...мечь на закланіе, и пси на растерзаніе, и птицы небесе и звѣріе земли на пожрениа и расхищеніе (Иер. 15: 3). Ему вторит «Слово»: Оуже бо въды его пасеть птицъ по дубию; влзци грозу восторожатъ по аргамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыа щиты (С. 13). Оуже бо, братие, не веселаа година встала, уже пустыни силу прикрыла (С. 17). Я Игорева хробраго плькы не крѣсити! (С. 17). Вспоминается опять Иеремия: И будутъ трупиі люди сиыхъ во снѣдъ птицама небеснымъ и звѣремъ земнымъ, и не будетъ ѿгонящаго (7: 33).

Особый жребий у русского князя, как и у иудейского царя: Ты Игорь князь выѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кошиново. Оуныша бо градомъ забрала, а веселіе пониче (С. 19).

И дальнейшее развитие древнерусских событий предсказано пророком: Не плачите мертвѣгъ; ниже рыдайте ѿ немъ: плачите плачемъ ѿ исходѣемъ (в плен. — А. У.), яко не возвратитсѣ кому, ниже оувидитъ земли рожденіа своего (22: 10). Вот тут-то и вспоминается знаменитый плач Ярославны — жены князя Игоря: Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ... Трижды автор повторяет эти слова, и превращаются они в долгий плач.

На плаче жен сосредоточил свое внимание и пророк Иеремия: Тѣмже слышите, жены, слово Господне, и прїимите оушила вашима словеса оуетъ егво, и научите дщери вашѣ рыданію, и каждо искреннюю свою плачу: понеже взыде смерть сквозѣ окна ваша и видѣ въ землю вашу погубити отрочата ѿвнѣ и юношы ѿ стогна. Глаголи: сіа рече Господь: и будутъ мертвиі человекы въ прилѣръ на лица поля земли вашей, яко сѣно создаи жнущагво, и не будетъ собирающагво (их) (9: 20–22).

Ср.: Жены рускыя възплакашасѣ, аркучи: «Оуже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни дуемоу сдумати, ни очима съглядати...» (С. 17).

Поражение Игоря печалью и слезами протекло по Русской земле: Я встона бо, братие, Киевъ тугю, а Черниговъ напастьми. Тоска разидасѣ по Руской земли; печаль жирна тече средъ земли Рускыи. ...Я погании сами, повѣдами нарицущѣ на Рускую землю, емлаху дань по вѣлѣ отъ двора (С. 18).

Получается, как когда-то пострадал Израиль от непродуманных действий царя Седекия, так теперь из-за проступка двух князей страдает вся Русская земля. А причина всему — тщеславное желание человеческой славы: Нъ рекосте: «Иужанимѣса сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!» ...Нъ се зло... — отмечает автор «Слова» (С. 21), и пресекает его Господь пленением

русских князей. И се Богъ, казна ны грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милости ихъ, но нагъ казна и вѣрашаа ны к покаянью, да выхомъ съ востанутии ѿ злыхъ своихъ дѣлъ. и симъ казнитъ ны нахоженнемъ поганыхъ, да некии смиривошеся воспоманемься ѿ злаго пути, — замечает древнерусский летописец¹⁶.

Смысл пленения раскрывается в Книге пророка Иеремии: И будетъ, егда речете: почто сотвори Господь Богъ нашъ намъ сѣя всѣхъ? И речеши къ нимъ: яко остависте мѧ и послужисте богомъ чуждымъ въ земли вашей, тако послужите богомъ чуждымъ въ земли не вашей (5: 19). Но, прежде всего, это удар по гордыне.

Се, азъ на тѧ, горде, глаголетъ Господь Богъ Вседержитель, яко придетъ день твой и часъ посѣщенїя твоего: и падетъ гордыня твоя, и разрушитсѧ, и не будетъ возставлѧя и... — свидетельствует Иеремия (50: 31–32).

Только покаянием можно вернуть расположение Господа, о чем свидетельствует Священное Писание: Глазъ из оуштенъ слышанъ востъ плача и моленїя сыншвъ израилевыхъ, яко беззаконноваша въ путехъ своихъ, забывши Господа Бога святаго своего. Возвратитсѧ, сынове возвращающїисѧ, и изцѣлю сокрушенїя ваша. Се раби мы будемъ твоѣ, ты бо еси Господь Богъ нашъ. Истинно живи быша холми и множество горъ, токмо Господемъ богомъ нашимъ спасенїе Израилево! (Иер. 3: 21–23).

Прочувственно кается в своих грехах и Игорь Святославич, пребывая в плену, о чем уже говорилось выше: Се возда ми Господь по беззаконїю моему... и сндоша днесь грѣси мои на главоу мою. Истиненъ Господь и прави соуди его зѣло. Азъ же оубо не имамъ со живыми части... Но Владыко Господи Боже мой, не ѿрини мене до конца, но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ Твоимъ¹⁷.

Любовь Бога к человеку превышает многие его грехи, а потому Господь и проявляет Свое милосердие к оступившемуся: И помышлю на вы помышленїе мира, а не зла, еже дати вамъ сѣя. И поминитсѧ ко мнѣ, и послушаю васъ, и възыщете мене, и вѣращете мѧ: и егда възыщете мене всѣмъ сердцемъ вашимъ, и явлюся вамъ, глаголетъ Господь, и возвратишю оушники ваша... и возвратитсѧ повелю вамъ... (Иер. 29: 11–14).

Два обстоятельства сыграли существенную роль в судьбе Игоря. Первое — молитвы за него жены¹⁸ и русских людей, ибо тяжко ти головы кромиѣ плечю, зло ти тѣлю кромиѣ головы, — Руской земли безъ Игоря (С. 30). Потому-то избави и Господь за молитвоу христьянскоу, им же мнозѣ печаловахушъсѧ и проливахушъ же слезы свои за него¹⁹.

Второе — чистым, раскаявшимся сердцемъ разыскал Игорь Святославич Бога Истинного, по словам Священного Писания: Сѣя глаголетъ Господь силъ, Богъ израилевъ: исправите пути ваша и начинанїя ваша, и вселю вы на мѣстѣ семъ (Иер. 7: 3). Господь и вывел Игоря Святославича из Половецкого плена, о чем свидетельствует «Слово»: Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую... (С. 28).

Этим и отличается судьба русского князя от судьбы иудейского царя: как раскаявшийся блудный сын, он возвращается к своему Отцу Небесному. И тогда христианский смысл «Слова о полку Игореве» раскрывается в евангельских словах: Глаголю вамъ, яко тако радость будетъ на небеси ѿ единѣмъ грѣшницѣ кающемъ, нежели ѿ девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянїя (Лк. 15: 7).

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 648.

¹⁷ Там же. Стб. 642–644.

¹⁸ Венчаные муж и жена являют собой одно целое: ...Обаче ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, ѿ Господѣ. Икоже бо жена ѿ мужа, сице и мужъ женю: всѧ же ѿ Бога (I Посл. коринф. 11: 11–12). Молитва о пленномъ выводит из плена (просьба об этом имеется в православных утренних молитвах), тем более если это молитва жены о муже — одной составной части о другой, ради целого. Но как понимать обращение Ярославны к трем природным стихиям? Весьма правдоподобное, как мне кажется, их толкование предложено в «Беседе трех святителей», весьма популярной в Древней Руси: «Вопросъ. Что высота небесная, и широта земная, и глубина морская? Тол. Отецъ и Сынъ, и Святой Духъ» (Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 436). Солнце олицетворяет собой «высоту небесную», гуляющий по всей земле ветер — «широту земную», река — «глубину морскую». Небо — престол Отца; Сын сошел на землю, крестился в водной купели и оставил людям свой престол — христианскую церковь; при крещении водой нисходит Святой Дух. Т. е. получается, что Ярославна обращается к трем природным стихиям, олицетворяющим три ипостаси Святой Троицы! Молитва Ярославны явилась решающей (или переломной) в Промысле об Игорѣ. Подвластная своему Творцу природа, т. е. выполняющая Его волю, способствовала возвращению раскаявшегося (по летописи) князя домой...

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 649.